

«Российская археология» 2001

№4

К ЮБИЛЕЮ АННЫ ИВАНОВНЫ МЕЛЮКОВОЙ

© 2001 г. В. Г. Петренко*, И. В. Яценко**

* Институт археологии РАН, Москва

** Московский государственный университет

Мы, коллеги и друзья, поздравляем дорогую, всеми нами любимую и глубокоуважаемую Анну Ивановну с ее четвертым двадцатилетием. Именно двадцатилетием, потому что ее жизнеутверждающей энергии, оптимизму и творческой активности может позавидовать любой из молодых ученых. Для нас Анна Ивановна являет собой пример высокого служения науке, принципиальности, беззаветной преданности делу, которому она отдает всю свою жизнь. Огромная эрудиция, стремление бескорыстно передать свои знания и опыт другим сделали ее лидером не только российских, но и украинских и молдавских скифологов.

А.И. Мелюкова родилась 14 декабря 1921 года в Москве. Отец, И.А. Мелюков, был скульптором-орнаменталистом, заведовавшим в 1930-е годы оформительской матерской Академии архитектуры, где разрабатывались эскизы декора общественных зданий. Он много работал в содружестве с академиком архитектуры И.В. Жолтовским. Среди значительных работ И.А. Мелюкова можно отметить создание декоративного убранства зданий театра Красной Армии и бывшего американского посольства. И.А. Мелюков умер еще до Великой Отечественной войны. Можно думать, что именно он передал Анне Ивановне способности к изобразительным видам искусства, которые очень помогали ей в работе над археологическим материалом, позволяя делать хорошие зарисовки вещей и использовать их в своих печатных работах.

Ее мать, М.И. Мелюкова, воспитывала двух дочерей (Анну Ивановну и младшую сестру Ирину Ивановну) и образцово вела домашнее хозяйство с соблюдением лучших традиций и устоев патриархальных русских семей. Для характера Марии Ивановны Мелюковой были присущи большая доброта и отзывчивость, сочетающиеся с высокоразвитым чувством справедливости и принципиальностью. Нельзя не сказать, что в формировании личности Анны Ивановны Мелюковой, очень ответственно, скромного и всегда уважаемого окружающими людьми человека, большую роль сыграли воспитание и личный пример ее матери.

В 1939 г. А.И. Мелюкова, закончив среднюю школу, поступает на первый курс Исторического факультета МГУ. Интерес к исторической науке, как не раз говорила сама Анна Ивановна, возник у нее под влиянием школьных уроков, проводив-

Анна Ивановна Мелюкова.

шихся в старших классах учителем истории Н.Н. Пикусом, который был выпускником истфака МГУ.

В ноябре 1941 г. университет был эвакуирован. Анна Ивановна остается в Москве. Она работает в 1941–1942 гг. травильщицей в артели Мосметизсоюза, а с марта по ноябрь 1942 г. – лепщицей в скульптурно-лепном комбинате “Всекохудожник”. С возобновлением работы университета в Москве в ноябре 1942 г. Анна Ивановна возвращается к занятиям на историческом факультете и специализируется на кафедре археологии.

Надо сказать несколько слов о работе в военные годы кафедры археологии, открытой на историческом факультете всего за два года до начала войны. Несмотря на трудности военного времени, преподавательский коллектив кафедры серьезно занимался подготовкой специалистов – археологов для работы в будущем мирное время. На это уже обращал внимание В.Л. Янин, написавший: “Война не приостановила, а даже акти-

визировала профессиональный рост преподавательского коллектива, рассматривавшего свой труд как высокий патриотический долг" (Янин, 1999. С. 5). Кроме того, В.Л. Яниным было отмечено, что в результате слияния Университета и МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории) произошло "пополнение состава кафедры профессором Б.Н. Граковым и учителем учителей В.А. Городцовым".

У А.И. Мелюковой годы занятий в университете, как и у всех студентов военной поры, были связаны не только с учебой, но и с выполнением целого ряда общественных работ, вызванных необходимостью помощи фронту и обеспечения жизни населения тыла. Анна Ивановна принимает участие в первом длительном "трудовом фронте", организованном университетом по сенозаготовкам в Рязанской области. Здесь было много трудностей: тяжелая, непривычная с длительным рабочим днем работа; а главное заболевание многих, и в том числе Анны Ивановны, малярией. Но в то же время здесь существовал большой и дружный молодой студенческий коллектив, в котором все помогали друг другу преодолевать невзгоды. И таких работ было много. Одной из них был "трудовой фронт" по заготовке дров для отопления Москвы. Здесь, на распилке 8–12-метровых бревен с 7 утра до 19 вечера работала бригада А.Ф. Медведева, одним из членов которой была Анна Ивановна.

На кафедре А.И. Мелюкова с большим интересом занимается скифо-сарматской археологией под руководством профессора Б.Н. Гракова. В его же экспедициях проходит и полевую археологическую практику. Об этих экспедициях своего учителя было подробно рассказано ею на страницах "Российской археологии" (Мелюкова, Яценко, 1999. С. 215–220). В 1945 г. она защищает дипломную работу на тему "Погребальные сооружения скифских царских курганов на территории Нижнего Поднепровья", и в этом же году поступает в аспирантуру при кафедре археологии.

Тема диссертации, "Вооружение, войско и военное искусство скифов", предложенная Анне Ивановне ее руководителем Б.Н. Граковым, увлекла ее, и к концу аспирантуры вышли из печати ее первые работы (Мелюкова, 1949; 1950). Успешная защита состоялась 25 января 1950 года. Оппоненты высоко оценили обсуждаемую диссертацию и рекомендовали к печати. В.Д. Блаватский, отметив большую тщательность аналитической работы, проведенной А.И. Мелюковой с материалом, и надежность предложенных датировок выделенных ею типов оружия различных категорий, с уверенностью сказал, что будущая книга станет настольной для него самого и всех исследователей, занимающихся археологией железного века Восточной Европы и в той или иной мере касающихся оружия. Жизнь полностью под-

твердила его предсказание. Эта первая большая работа исследовательницы, написанная более 50 лет тому назад, но изданная несколько позднее в серии "Археология СССР. Свод археологических источников" (Мелюкова, 1964), была выполнена на столь высоком уровне, что до сих пор большинство скифологов пользуются созданной ею классификацией скифского оружия и выводами о его датировке, происхождении и распространении. Хотя со временем и вносились некоторые уточнения в разработку отдельных видов скифского вооружения, однако кардинальных изменений в общую систематизацию скифского оружия, предложенную А.И. Мелюковой, они не внесли. Развернувшаяся в 90-е годы XX в. дискуссия о датировке памятников раннескифской культуры, казалось бы, должна была способствовать и значительным изменениям в датировке скифского оружия и особенно наконечников стрел, в сторону их значительного удреждения. Однако в 1998 г. А.И. Мелюкова показала на ряде конкретных примеров неправильность новой датировки верхней границы стрел келермесского типа рубежом VII–VI вв. до н.э. и правомерность тезиса о продолжении их существования по крайней мере до середины VI в. до н.э. Но наука не может стоять на месте и это понимание новизны, учет новых мнений, столь свойственные исследовательнице, а также значительное накопление источников по данной теме, произошедшее за последние годы, побудило Анну Ивановну вновь обратиться к изучению оружия. В настоящее время ею разработана новая, более подробная классификация мечей, которая способствует выявлению локальных особенностей этой категории предметов, а подробное картографирование всех вариантов, проведенное совместно с В.Б. Ковалевской, открывает перспективы в изучении очагов возникновения и производства, пространственного распределения их по хронологическим этапам (Ковалевская и др., 1998. С. 29–32).

Несомненно, очень важным периодом в жизни Анны Ивановны была учеба в аспирантуре под руководством выдающегося педагога, крупнейшего скифолога Бориса Николаевича Гракова, идеи которого оказали на нее большое влияние. Как уже говорилось, студенткой она слушает его лекции, участвует в возглавляемых им экспедициях, а после окончания аспирантуры и до самой смерти Бориса Николаевича она – ближайший сотрудник и друг ученого. Анна Ивановна не только принимает участие в экспедициях, проводимых учителем в степной зоне Северного Причерноморья (на Никопольском курганном поле, Каменском городище, Солохинском могильнике), но и становится соавтором Б.Н. Гракова, разделяя и развивая его научные взгляды.

В 1952 г. они выступают с совместным докладом, опубликованным позже в виде статьи (Гра-

ков, Мелюкова, 1954) на Всесоюзной скифской конференции. В докладе было предложено новое понимание основных вопросов скифской истории, основывающееся на более детальном рассмотрении письменных источников и углубленном изучении как добытых ранее, так и новых археологических данных. Выдвинутая ими концепция определяла Скифию как располагавшуюся только в степной зоне Северного Причерноморья и Приазовья общность, объединенную не только политически, но и единством происхождения, языка, материальной и духовной культуры. Памятники лесостепной зоны рассматривались как принадлежавшие нескифским племенам, имевшим различное происхождение и отличную от скифов культуру. Близкие скифским элементы культуры этих племен объяснялись распространением "скифской триады" (единство оружия, конского снаряжения и звериного стиля). Для Северного Кавказа, где памятники скифской культуры в то время были известны в основном только в бассейне Кубани, исследователи допускали присутствие скифского этнического компонента, подтвердившееся раскопками и исследованиями последующих лет. Концепция ученых надолго определила направление научной мысли московской школы скифологов.

Обратим внимание на личный вклад молодой исследовательницы в содержание упомянутой статьи. А.И. Мелюковой был написан раздел о культуре лесостепных племен, без которого доклад не мог состояться. В этом разделе была дана краткая характеристика каждой из групп памятников лесостепи Северного Причерноморья, большей частью выявленных в то время другими исследователями, но главное, что ею впервые было проведено их последовательное сравнение между собой. Более того, в круг ранее известных памятников на территории Северного Причерноморья А.И. Мелюкова вводит новую группу, названную Молдавской, памятники которой тогда только начинали обнаруживаться в лесостепном Поднестровье. Впервые была намечена характеристика этой группы и отмечена ее близость по погребальному обряду северо-западной (Западно-Подольской) группе, а по керамике – памятникам Румынии и Болгарии. Также новым моментом является и включение в характеристику Западно-Подольской группы (известной ранее только по курганам) сведений о только что открытых многочисленных поселениях и редких городищах. Это уже был результат первого этапа той научной работы, которую А.И. Мелюкова начала по исследованию памятников этих территорий.

С этих позиций в большой статье, вышедшей в 1958 г., Анна Ивановна подошла к изучению наиболее спорных с точки зрения происхождения и мало изученных в то время групп памятников, расположенных на крайнем западе и северо-западе в лесостепной зоне Среднего Поднестровья, совер-

шенно верно оценив перспективы исследования этого региона.

Собрав с предельной полнотой и проанализировав весь имевшийся на тот момент материал, касающихся не только скифского, но и предскифского периодов на этих территориях, исследовательница, наряду с общ историческими выводами о производстве, социальной структуре изучаемых обществ, обратилась к вопросам происхождения и взаимодействия впервые очерченных ею групп памятников с сопредельными культурами. Намеченные А.И. Мелюковой в этой работе ареалы культурных групп и пути передвижения населения не претерпели существенных изменений, а лишь детализировались ею, а впоследствии и другими исследователями, и в первую очередь Г.И. Смирновой, в части, касающейся голиградской группы, по мере накопления материалов, добытых в значительной мере раскопками и разведками самой исследовательницы. В этой и последующих работах (Мелюкова, 1961), А.И. Мелюковой были выделены и описаны три группы памятников начала железного века в лесостепной Молдавии: 1-го типа поселения под Кишиневом, 2-го типа поселения и могильника у с. Шолданешты, 3-го типа поселений Сахарна-Солончены, определены их датировка и культурная принадлежность. В 1972 г. с учетом новых данных ею были внесены лишь незначительные коррективы в соотношение и хронологию этих групп, не изменившие прежней характеристики, и сделаны дополнения, касающиеся синхронизации их с памятниками Румынии и Украины.

Самостоятельная раскопачная деятельность Анны Ивановны начинается с участия в работах Молдавской экспедиции, руководимой Т.С. Пасек. С 1954 г. А.И. Мелюкова – руководитель самостоятельного отряда скифской археологии этой экспедиции. И с этих пор наряду со скифской степной тема северо-западных и западных границ скифского мира и взаимоотношения скифской и фракийской культур и истоков этих отношений становится основной в ее полевых исследованиях. В период полевых сезонов 1954–1960 гг. руководимым А.И. Мелюковой отрядом скифской археологии молдавской экспедиции были открыты и исследованы десятки поселений и могильники периода раннего железного века.

Детальное изучение каждого из раскопанных и разведанных памятников и сравнительный анализ, которые начинались уже на страницах отчета, а в дальнейшем оформлялись в виде частных и обобщающих статей, имели своим итогом создание целостной исторической картины передвижения носителей культуры фракийского гальштата и их взаимодействия с населением среднеднепровского лесостепного Правобережья.

Разведки по правому берегу Днестра и раскопки городища Тудорова I помогли выявить отличие

степных районов Молдавии и близость их степным районам Северного Причерноморья, а само Тудорово I поместить в период между сабастиновскими и белозерскими памятниками.

В этот же период А.И. Мелюковой раскапывались памятники и других эпох, среди которых следует отметить впервые обнаруженные в Молдавии курганные захоронения усатовской культуры с разнообразным инвентарем, включающим металлические вещи и уникальный сосуд с резным изображением животных, а также работы на Олонештском курганном могильнике, где было обнаружено богатое сарматское погребение II–III вв. н.э.

С 1961 г. начинаются работы Западно-Скифской экспедиции института археологии Академии наук, бессменным руководителем которой А.И. Мелюкова была более 20 лет.

В 1961 г. ведутся разведки по левому берегу Днестра, раскопки на двух поселениях у с. Граденица Одесской области IV–II вв. до н.э. Было выяснено, что Нижнее Поднестровье в IV–III вв. до н.э. являлось районом непосредственного и тесного взаимодействия между скифами и гето-фракийскими племенами. С 1962 по 1969 годы работы были сосредоточены на поселении и могильнике у села Николаевка Овидиопольского района Одесской области. Это были первые комплексные исследования бытового и погребального памятников IV–III вв. до н.э. на побережье Днестровского лимана. Результаты раскопок стали предметом специального монографического изучения памятников в работе “Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка”, вышедшей из печати в 1975 г.

В 1970-е годы А.И. Мелюкова возобновляет раскопки в Молдавии. Продолжаются раскопки и разведки на памятниках типа Сахарна-Солончены. Исследуется курганная группа у с. Буторы с разновременными погребениями, преимущественно киммерийскими и скифскими.

Обозначив какую-либо тему, Анна Ивановна никогда не успокаивается на достигнутом, продолжает пристально следить за развитием исследований в этой области, и если новые факты опровергают или как-либо изменяют высказанные ею положения, она вносит соответствующие корректировки. Так, в отдельной статье (Мелюкова, 1969) и в книге “Поселение и могильник у с. Николаевка” (Мелюкова, 1975) А.И. Мелюковой была высказана мысль о том, что граница между гетами и скифами проходила по Днестру. Появление новых фактов побудило ее к пересмотру этого вывода. “Теперь совершенно очевидно, что не только в эпоху, известную Геродоту, в VI–IV вв. до н.э., но и в IV–III вв. до н.э. граница скифского царства на западе проходила не по Днестру, как я полагала раньше, а по Нижнему Дунаю и Пруту” – пишет Анна Ивановна, развивая это положение и критически рассматривая другие факты скифо-фракий-

ских взаимоотношений в свете новых фактов (Мелюкова, 1995).

Особое внимание А.И. Мелюкова уделяет вопросам хронологии и соотношению памятников (Мелюкова, 1972). Отдельное место, хотя и в контексте основного направления исследований, занимают ее работы по звериному стилю (Мелюкова, 1972; 1976; 1999). Все работы исследовательницы характеризуются глубиной анализа и широтой привлеченного сравнительного материала.

Итогом многолетних исследований явилась вышедшая в 1979 г. монография “Скифия и фракийский мир”, защищенная в качестве докторской диссертации. Она охватывает обширный круг вопросов взаимоотношения двух соседних разноэтничных массивов племен скифов и фракийцев. Актуальность этой темы была обусловлена отсутствием детальной проработки всех сравниваемых памятников. В литературе имели место различные точки зрения как на фрако-киммерийские, так и на фрако-скифские взаимоотношения, например от точки зрения М.И. Ростовцева и В. Пырвана о мощном факторе скифских завоеваний, прервавших развитие гетских племен, до положения И. Нестора и Д. Берчу о спорадическом характере скифских вторжений, не сыгравших сколько-нибудь значительной роли в развитии культуры гето-даков. Детальное рассмотрение всех категорий материальной культуры и прежде всего керамики как наиболее массового материала из поселений и погребений, дало Анне Ивановне возможность выявить не просто наличие или отсутствие, а степень сходства как форм, так и орнамента сосудов, и как следствие этого анализа определить, с какими именно группами фракийской общности оказываются близкими отдельные группы населения степной и лесостепной зон Северного Причерноморья, а также выявить истоки тех форм, которые оказали влияние на развитие керамического комплекса той или иной группы памятников, как скифских, так и фракийских.

В результате А.И. Мелюковой удалось обоснованно доказать, что археологические материалы не подтверждают присутствие сколько-нибудь значительных групп фракийцев в степной зоне Северного Причерноморья как в предскифский, так и в скифский периоды. Кочевники, сами воспринимая отдельные черты фракийской культуры, в основном являлись распространителями ее, вплоть до Северного Кавказа. Заимствованные черты как в Скифии, так и во Фракии наиболее явственно проступают в аристократической среде в силу неизменных и постоянных контактов как военных, так и мирных, включая торговлю и межэтнические браки. В то же время в развитии племен среднеднепровской лесостепи фракийцы сыграли значительно большую роль и, в частности, в сложении комплекса чернолесской культуры. Признавая вслед за А.И. Тереножкиным для

основной массы населения лесостепного Правобережья наличие местной этнической основы, возможно, протославянской, Анна Ивановна полагает, что без присутствия здесь фракийского этнического элемента в чернолесской культуре не могло произойти формирование черной лощеной керамики, обряда трупосожжения с захоронением в урнах и каркасно-глинобитного способа домостроительства. Высказанные ею положения оказались столь надежно и доказательно подкреплены детальнейшим анализом источников, что основной итоговый вывод о том, что два изучаемых ею этноса представлены двумя разными культурами, «каждая из которых имела независимое от другой происхождение и самостоятельное развитие», после ее работ становится незыблемым.

Вторым направлением исследований Анны Ивановны всегда оставалась собственно скифская археология. А.И. Мелюкова внесла большой и серьезный вклад в изучение «царских» курганов, выпустив в 1981 г. монографию «Краснокутский курган». Эта книга впервые представляет полную публикацию материалов, происходящих из Краснокутского «царского» кургана, более других пострадавшего от разрушения и разграбления. Курган был раскопан в 1860 г. И.Е. Забелиным и кратко опубликован С.А. Семеновым-Зусером.

Прежде всего подчеркнем осуществленный исследовательницей полный сбор доступных к моменту написания работы архивных данных и всех вещей с их многочисленными фрагментами, хранящихся в Гос. Эрмитаже. Изучение всех «мелочей» или, точнее, деталей, в частности места в могиле воткнутых в землю наконечников копий, позволили А.И. Мелюковой дать более конкретную и полную характеристику погребального обряда. Тщательный анализ вещевого материала также обнаружил очень интересные данные для характеристики изучаемого кургана. Примером могут служить полученные результаты изучения сохранившихся фрагментов погребальных повозок. Автору удалось восстановить некоторые их детали и показать элементы, отличающие краснокутские повозки от большинства известных скифских, а именно черты, связывающие их с фракийскими и гальштатскими, а также черты, отличающие их от последних. Столь же тщательно и результативно проведенное исследование всего инвентаря подтвердило и более фундаментально обосновало уже сделанное ранее в науке определение о принадлежности Краснокутского кургана к группе «царских» погребальных памятников степной Скифии. Оно позволило уточнить время создания кургана, которое автор помещает в период после сооружения кургана Чертомлык, но несколько ранее Александропольского. Новым явилось выделение вещей, характерных для фракийцев (удила, псалии) и предметов, отражаю-

щих тесное взаимодействие фракийского и скифского искусства (украшения головных уборов).

Следует отметить, что всем работам А.И. Мелюковой присущ историзм, а именно рассмотренные раскапываемых или изучаемых на данный момент памятников на широком фоне известных по письменным источникам исторических процессов, происходивших на данной территории.

В 1989 г. под редакцией А.И. Мелюковой вышла из печати коллективная монография «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» в серии «Археология СССР», в которой все главы и разделы, касающиеся общеоисторической обстановки в Северном Причерноморье в предскифский и скифский периоды, и разделы, посвященные письменным источникам, расселению племен и существенной части собственно скифской материальной культуры, написаны ею лично. Существующие точки зрения изложены с предельной объективностью и комментариями, отражающими их дискуссионность или понимание автором исторических процессов, происходивших в Северном Причерноморье в IX–III вв. до н.э.

А.И. Мелюкова, углубленно и целеустремленно занимаясь изучением расположенных в степной и лесостепной зонах западных областей Северного Причерноморья и древностей Балкано-Прикарпатского района, всегда проявляет большой интерес к новым разработкам дискуссионных проблем науки о скифах и возникающим новым концепциям. В качестве примеров можно отметить ее участие в круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии», в совещании по проблеме «скифо-сибирского мира» и в Международном «круглом» столе «Ранние скифы и их культура». В дискуссии 1980 г. А.И. Мелюкова поддерживает развиваемую авторами обзорной статьи мысль о полицентризме формирования культур скифского или скифо-сибирского мира (Яценко, Раевский, 1980. С. 102–117), впервые высказанную М.П. Грязновым (1978). Этот круг культур с объединяющими их чертами исследовательница рассматривает «как новообразование, возникшее в результате многих исторических причин, связанных с экономическим и социальным развитием племен Евразии в период окончательного освоения железа» (Мелюкова, 1980. С. 125).

В докладе на совещании по проблеме «скифо-сибирского мира» представлено уже более подробно обоснование этого положения. В нем акцентируется внимание на различном происхождении конкретных категорий вещей, входящих в круг элементов, объединяющих культуры скифо-сибирского мира, и показано, что в культурах скифо-сибирского мира «соединились элементы разного происхождения» и поэтому сами культуры могут рассматриваться как новообразования.

Во время раскопок Толстой могилы. Слева направо: А.И. Тереножкин, А.И. Мелюкова, В.Г. Петренко, Б.Н. Мозолевский.

Этот построенный на археологическом материале вывод, как отмечает сама автор доклада, «противоречит представлениям тех исследователей, которые связывают появление элементов сходства в культурах скифо-сибирского мира и происхождение скифов только с последовательным процессом проникновения больших масс азиатских народов в Северное Причерноморье» (Мелюкова, 1993. С. 28). Приведенные данные свидетельствуют, что А.И. Мелюкова выступает последовательным оппонентом сторонников «центральноазиатской гипотезы» происхождения скифской культуры и скифов.

Живо откликаясь на все новое, что появлялось в скифской археологии, Анна Ивановна всегда стремилась увидеть это воочию, как говорится, «подержать в собственных руках». Так было при открытии Б.Н. Мозолевским «Толстой Могилы» — памятника мирового значения. Немедленно ею было принято решение выехать на место раскопок, с тем чтобы в деталях рассмотреть уже вскрытую к ее приезду боковую могилу с погребением знатной скифянки с ребенком в окружении слуг и стражников. Приезд Анны Ивановны был важен и для раскопавшего курган Б.Н. Мозолевского, который с большим вниманием прислушивался к ее пожеланиям во время обсуждения памятника вечерами в гостиничном номере.

Так было и когда встал вопрос о необходимости помощи и консультаций при раскопках другого

значительного скифского памятника — кургана 1 у хут. Красное Знамя, раскапывавшегося одним из авторов — В.Г. Петренко. Анна Ивановна первой вызвалась поехать в поле, принимала самое непосредственное участие в раскопках и своими ценными советами помогала пониманию этого сложного уникального памятника раннескифской культуры. Будучи к этому времени уже крупным ученым, ведущим специалистом в области скифской археологии, Анна Ивановна никогда этого не только не подчеркивала, но и стремилась ничем не выделяться в работе и жизни экспедиции.

Много сил отдает А.И. Мелюкова популяризации научных знаний. Ею написан большой раздел в книгу История Молдавской ССР, целый ряд статей и заметок в Большую Советскую, Детскую и Историческую энциклопедии, Итальянскую энциклопедию по археологии и ряд других изданий. Всего же ею опубликовано более 100 научных работ, среди них шесть монографий.

Человек неравнодушный, она принимает самое активное участие в общинститутских делах. В течение многих лет А.И. Мелюкова была ответственным секретарем журнала «Советская археология», членом Ученого совета, членом Полевого комитета, членом оргкомитетов, как общинститутских, так и конференций по скифо-сарматской археологии, редактировала большинство книг и сборников по скифской тематике.

Ею подготовлено семь аспирантов, четверо из них успешно защитили кандидатские диссертации. Она и сейчас руководит аспирантами, среди которых хотелось бы особенно выделить С.Б. Вальчака, успешно разрабатывающего тему "Вооружение и снаряжение боевого коня в предскифский период". А скольких людей своими доброжелательными и в то же время строгими отзывами напутствовала Анна Ивановна в начале, да и не только, их творческого пути, щедро делясь своими обширными знаниями и побуждая к тщательному отбору, максимально полному и точному анализу и интерпретации источников, остужая горячие головы от поспешных выводов.

Следует отметить также тесные контакты А.И. Мелюковой как в экспедиционном, так и в исследовательском плане с научными силами Украины, среди которых ее друзья и коллеги, такие крупные специалисты, как А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, А.М. Лесков, Г.Т. Ковпаненко, Е.В. Черненко, И.К. Свешников, Л.И. Крушельницкая, Б.А. Шрамко и многие другие ученые. Она постоянно участвует в обсуждении научных работ украинских и молдавских ученых, откликаясь на них отзывами в печати, выступая оппонентом на кандидатских и докторских диссертациях.

А.И. Мелюкова активно сотрудничает с зарубежными учеными. Украина высоко оценила тот весомый вклад, который А.И. Мелюкова внесла в изучение древностей населения юга Восточной Европы эпохи раннего железа и, в частности, древней истории Украины, Молдовы и России в X–III вв. до н.э. В 1994 г. Анна Ивановна становится лауреатом премии "Золотой скиф", учрежденной институтом археологии НАН Украины и Киевской Академией Евробизнеса.

Она – признанный авторитет в мировой науке. Ею много сделано по археологии раннего железного века стран Юго-Восточной и Восточной Европы. Перу Анны Ивановны принадлежит раздел "Скифы и сарматы" в "Cambridge History of inner Asia", глава "Скифы в юго-восточной Европе" в книге "Nomads of the Eurasian steppes in the Early Iron Age" и ряд статей в изданиях Болгарии, Германии и других стран.

Свой юбилей Анна Ивановна встречает новыми творческими успехами, активно разрабатывая тему "Скифская культура в Центральной Европе". По этой теме ею исследованы пути распространения памятников скифской культуры в Европу, основное сосредоточение которых наблюдается на Трансильванском плато и на Большой и отчасти Малой Венгерской низменности, хронология продвижения, исходные территории и характер взаимоотношений скифского и местного населения в каждой из этих групп. При этом Анна Ивановна успешно полемизирует с западноевропейскими учеными (З. Буковским, Я. Хохоровским и др.) по целому ряду вопросов, касающихся

продвижений скифов и распространения скифской культуры в Центральной Европе.

С нетерпением ждем монографии по этой теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Две археологические культуры в Скифии Геродота // СА. 1953. Т. XVIII.
- Грязнов М.П. К вопросу о нахождении культур скифо-сибирского типа Евразии // КСИА. 1978. Вып. 154.
- Ковалевская В.Б., Мелюкова А.И., Петренко В.Г. Некоторые итоги использования компьютерных карт на материалах скифских акинаков VII–V вв. до н.э. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тез. докл. СПб., 1998.
- Мелюкова А.И., Яценко И.В. Первые экспедиции с Б.Н. Граковым // РА. 1999. № 4.
- Янин В.Л. Кафедре археологии Московского университета 60 лет // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999.
- Яценко И.В., Раевский Д.С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // Народы Азии и Африки. 1980. № 5.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А.И. МЕЛЮКОВОЙ

1. Античная литературная традиция о скифской непобедимости // КСИИМК. 1949. Вып. 30.
2. Войско и военное искусство скифов // КСИИМК. 1950. Вып. 34.
3. Вооружение, войско и военное искусство скифов // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.
4. Каменная фигура скифа-воина // КСИИМК. 1952. Вып. 48.
5. Две археологические культуры в Скифии Геродота // СА. 1953. Т. XVIII (в соавт. с Б.Н. Граковым).
6. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. 1953. Вып. 51.
7. Памятники скифского времени в Молдавии // КСИА АН УССР. 1954. № 4.
8. Результаты раскопок на двух поселениях в Молдавии // КСИИМК. 1954. Вып. 66.
9. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954 (в соавт. с Б.Н. Граковым).
10. К вопросу о скифских памятниках в Средней Европе // СА. 1955. Т. XXII.
11. Итоги изучения скифских памятников в Молдавии // Изв. Молд. филиала АН СССР. 1955. Вып. 5(25).
12. Памятники VIII в. до н.э. на территории лесостепной Молдавии // Изв. Молд. филиала АН СССР. 1956. № 4(31).
13. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья // МИА. 1958. № 64.
14. Исследование памятников предскифской эпохи в лесостепной Молдавии // МИА Юго-Зап. СССР и ВНР. Кишинев, 1960.

15. Культура предскифского времени лесостепной Молдавии // МИА. 1961. № 96.
16. Скифские курганы Тираспольщины // МИА. 1962. № 115.
17. Курганы усатовской культуры у с. Тудорова // КСИА. 1962. Вып. 88.
18. Сарматское погребение у с. Олонешты // СА. 1962. № 1.
19. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
20. Скифские элементы в гетской культуре // КСИА. 1965. Вып. 105.
21. К вопросу о границе между гетами и скифами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
22. Население Нижнего Поднепровья в IV–III вв. до н.э. // МИА. 1971. № 177.
23. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии // СА. 1972. № 1.
24. Скифский звериный стиль в Карпато-Дунайском районе // Культура та побут населення українських Карпат. Ужгород, 1972.
25. Раскопки курганов у с. Буторы Григогипольского района // Археологические исследования в Молдавии за 1972 г. Кишинев, 1974.
26. Культура племен Днестровско-Прутского междуречья (IX–VIII вв. до н.э.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.
27. Поселение и могильник у с. Николаевка. М., 1975.
28. Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских и скифских племен с фракийцами в советской науке // Фрако-скифские культурные связи. София, 1976.
29. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
30. Скифское каменное изваяние из с. Буторы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
31. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
32. Выступление на обсуждении: Круглый стол. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // Народы Азии и Африки. 1980. № 5.
33. Поселение Надлиманское III на берегу Днестровского лимана // Исследования по античной археологии юго-запада УССР. Киев, 1980.
34. Раскопки поселения XIII–VII вв. до н.э. у с. Сахарна // АО–1980. 1981.
35. Краснокутский курган. М., 1981.
36. Рецензия: Actes du II Congrès international de thracologie. I. Bucuresti, 1980 // СА. 1984. № 1.
37. Главы: 1. Ранний железный век. 2. Ранние фракийцы и киммерийцы в Днестровско-Прутском междуречье. 3. Скифы и их взаимоотношение с гетами // История Молдавской ССР. Кишинев, 1987.
38. Scythians and Sarmatians // Cambridge History of Inner Asia. New York, 1988.
39. Разделы: Предскифский период в степях Северного Причерноморья; Культура предскифского периода в лесостепной зоне; Краткие сведения об истории скифов; Краткий очерк истории изучения скифов; География и этногеография Скифии в трудах советских ученых; Скифские памятники степи Северного Причерноморья; Культура фракийских племен Днестровско-Прутского междуречья в VI–III вв. до н.э.; Скифообразные памятники в средней Европе; Оружие, конское снаряжение, повозки, наваршия; Скифское искусство звериного стиля; Деревянная и металлическая посуда; Хозяйство, быт, торговля; Общественный строй // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.
40. О двух группах скифской культуры в Средней Европе // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Междунар. конф., посвященной памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь, 1992.
41. Рецензия: С.А. Скорый. "Курган Перепятых" // РА. 1993. № 2.
42. Взгляд из Скифии на скифо-сибирское единство // КСИА. 1993. Вып. 207.
43. Скифская культура в Центральной Европе и пути ее распространения // Международное сотрудничество археологов на великих торговых путях древности и средневековья. Тезисы. Кисловодск, 1994.
44. Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV–III вв. до н.э. // РА. 1995. № 1.
45. Scythians of Southeastern Europe // Nomads of the Eurasian steppes in the Early Iron Age. Berkeley, 1995.
46. К вопросу о датировке раннескифских наконечников стрел // Музейні читання. Київ, 1998.
47. Звериный стиль в Карпатском регионе // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999.
48. К вопросу о восточноевропейских кочевниках на территории Средней Европы в начале железного века // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тез. докл. М., 1999.
49. Скифские курганы возле Солохи // Евразийские древности. М., 1999.
50. Первые экспедиции с Б.Н. Граковым // РА. 1999. № 4 (в соавт. с И.В. Яценко).

ПРЕДСКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ МОЛДАВИИ В ТРУДАХ А.И. МЕЛЮКОВОЙ

© 2001 г. М. Т. Кашуба

Санкт-Петербург, Россия – Кишинев, Молдова

Вклад А.И. Мелюковой в изучение поздней бронзы – раннего железного века Северо-Западного Причерноморья, в том числе и Молдавии (ныне Республика Молдова), так или иначе освещался в научной литературе (Лапушнян, 1979. С. 4–26; Никулицэ, 1987. С. 11–17; Дергачев, 1986. С. 7–9; Dergachev, 1994. С. 9–11; Ванчугов, 1990. С. 5–14; Левицкий, 1990а. С. 4–8; Levitki, 1994а. С. 33–50, 140–148; 1994b. С. 160, 161, 167, 168, 172, 178, 179). К взглядам и идеям Анны Ивановны довелось неоднократно обращаться и мне при рассмотрении вопросов культурно-исторической обстановки X–VIII вв. до н.э. в лесостепи Поднестровья, в какой-то мере продолжая ее работы, а по отдельным сюжетам и оппонирова ей (Кашуба, 1990. С. 53–66; 1999. С. 369, 370, 379–384; 2000а. С. 5–8; 2000б. С. 246–255, 340–352; 2000в. С. 140, 141; Гольцева, Кашуба, 1995. С. 29, 30, 36, 37). Тем не менее возвращение к эпизодам извилистого пути изучения предскифских древностей этого региона обусловлено, с одной стороны, значимостью многих разработок Анны Ивановны (особенно проблематики эпохи раннего железа), а с другой, особым статусом Карпато-Поднестровья как контактной зоны, связывающей общности Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на протяжении нескольких тысячелетий (Дергачев, 1992. С. 26–31).

Как известно, плановые работы по исследованию культур народов, населявших территорию Молдавии от эпохи палеолита до средневековья, начались после 1945 г. С 1950 г. для концентрации сил в решении наиболее крупных проблем археологии была организована объединенная Молдавская экспедиция, одним из направлений действий которой было планомерное и широкое обследование памятников предскифской и скифской поры, главным образом в лесостепной части республики (Гросул, 1954. С. 5–7; Пассек, 1954. С. 76, 77). В составе археологов-сотрудников этой экспедиции обозначенную проблематику “поднимала” именно А.И. Мелюкова, работая под началом Т.С. Пассек (поселения Солончены-1952, Голерканы-1955 и Шолданешты-1955), а также возглавляя и отдельный отряд (зольник Гиндешты, поселения Кишинев, Солончены-53, второй Сахарнянский могильник, поселение и могильник Шолданешты, городища Выхватинцы и Тудорово I, Олонешт-

ские курганы и т.д.) (Мелюкова, 1953. С. 60–73; 1954. С. 59–68; 1955. С. 51–70; 1956. С. 39–45; 1958. С. 5–102; 1961а. С. 5–52; 1961б. С. 113–124; 1962. С. 30–37).

В тот период уже само “определение” археологических культур раннего железного века Молдавии представляло собой существенное продвижение вперед. А.И. Мелюкова не только выделила и дала расширенную характеристику культурных групп, сопоставив добытые материалы с результатами раскопок близ Сахарны (Смирнов Г.Д., 1949а. С. 189–202; 1949б. С. 93–97; 1955. С. 117–119), Цахнауц (Мельниковская, 1954. С. 69–75), Алчедара (Розенфельдт, 1955. С. 121–124) и Лукашевки (раскопки Г.Б. Федорова 1954–1957 гг. – Мелюкова, 1956. С. 39–45), но и предложила культурно-хронологическую колонку древностей Молдавии первой половины I тыс. до н.э. (Мелюкова, 1958. С. 52–76, 98–102; 1960. С. 129–150; 1961а. С. 46–52). Показательно, что большая часть эпизодов (в том числе и эталонных) предскифских и скифских (так тогда датировали группу Сахарна-Солончены) памятников этой территории были раскопаны А.И. Мелюковой. При этом ее культурно-хронологическая схема не только длительное время представляла собой достаточно надежную периодизацию, которую исследовательница время от времени “шлифовала” (Мелюкова, 1972. С. 57–72; 1975. С. 54–68; 1979. С. 15–33), но не потеряла свою актуальность и в настоящем, когда отдельные ее пункты уже подверглись пересмотру.

Важными были несколько обстоятельств. Выделенные доскифские культурные группы Молдавии (Кишинев, Шолданешты, Сахарна) оказались специфичными для лесостепи всего Северного Причерноморья. Так, древности типа Кишинев и генетически с ними связанные (по А.И. Мелюковой) материалы типа Шолданешты были отнесены к кругу культур так называемого фракийского гальштата, типичного для Карпато-Подунавья (Мелюкова, 1958. С. 74, 75). Самой близкой к северопричерноморским культурам лесостепи вроде бы представлялась группа Сахарна-Солончены, но и тогда (еще до открытия в Балкано-Подунавье культур орнаментированного гальштата или восточно-балканского круга памятников) А.И. Ме-

люкова не связывала ее происхождение с чернолесской культурой Правобережья Днестра (Мелюкова, 1960. С. 145; 1961а. С. 48). Тогда же она показала, что племена лесостепных районов Молдавии отличаются от степных, а последние по культуре были близки к населению степной Украины (Мелюкова, 1961б. С. 123).

Таким образом, был обозначен особый статус региона лесостепного Поднестровья (Днестро-Прутского междуречья) среди остальных территорий Северного Причерноморья – региона, своими культурными связями и контактами тяготеющего скорее к общностям древних фракийцев (протофракийцев) Карпато-Балканского бассейна, чем к соседним восточным и северо-восточным культурам Причерноморья.

Эти наблюдения и выводы, уже намеченные А.И. Мелюковой в период, когда “археологические исследования в Молдавии еще только начинались” (Смирнов А.П., 1954. С. 135), задали тон фактически всем ее последующим разработкам. Одной из ведущих тем становится поиск археологических следов и влияний фракийцев в Северном Причерноморье, включая и скифское время (Мелюкова, 1965. С. 32–41; 1969. С. 61–80; 1972. С. 57–72; 1975. С. 54–68; 1976. С. 106–127). Закономерным итогом явилось исследование “Скифия и фракийский мир”, где присутствие фракийского компонента в регионе тщательно документируется в широком хронологическом диапазоне всего I тыс. до н.э. (Мелюкова, 1979). Что же остается, а что в дальнейшем можно развивать из “предскифского наследия” А.И. Мелюковой?

Современное состояние источников и уровень исследовательского процесса позволяют доскифские древности (XII–VIII вв. до н.э.) лесостепной Молдавии трактовать как гальштатские общности Юго-Восточной Европы. Это означает присутствие носителей раннего и среднего гальштата в лесостепном Пруто-Поднестровье, которое выступает в качестве восточной периферии гальштатского мира. Такие положения целиком находятся в русле взглядов А.И. Мелюковой о динамике культурного процесса первой половины I тыс. до н.э. в этой области, куда, как она полагала, откатились три волны миграций фракийского населения из различных регионов Карпато- и Балкано-Подоунавья (Мелюкова, 1975. С. 59, 60).

Тем не менее фиксируется не только преимущественно миграционный характер происхождения предскифских обществ лесостепного Днестро-Прутского междуречья. При сравнении особенностей формирования разных гальштатских культур этой территории наблюдается усиление северопричерноморских (восточных) компонентов. Благодаря последним инородные для лесостепной среды гальштатские общества закреплялись и развивались уже в новом культурном окружении. С каждой новой волной гальштатских

миграций в регион (Кишинев-Корлэтэнь, Холеркань, Козия-Сахарна, Басарабь-Шолдэнешть) восточный фактор их существования здесь все более нарастал, но к середине I тыс. до н.э. складывается новая расстановка сил и Карпато-Дунайский мир одерживает верх в лице исторических гетов.

Если связи с культурным окружением древностей каннелированного гальштата Кишинев-Корлэтэнь (XII–X вв. до н.э.) рассматривались как незначительные (Левицкий, 1990а. С. 20, 21; Levițki, 1994а. С. 129–134, 149–158), то раннегальштатская группа Холеркань (конец XII–X в. до н.э.) относится к (изначально нижнедунайскому) горизонту с прочерченной и пролощенной керамикой Тэмэань-Холеркань-Балта, имеющего в том числе и ощутимый белозерский субстрат (László, 1986. С. 83–89; Левицкий, 1990б. С. 6–8; Levițki, 1994с. С. 230–232). Хотя, согласно В.П. Ванчугову, Балта является локальным вариантом белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов, 1990. С. 18–23, 114–137; Vančugov, 1996. С. 287–309), он в этом районе выделяет несколько этапов продвижения из Подоунавья раннегальштатской посуды с прочерченным узором (Ванчугов, 1993. С. 28–39).

Далее, двойственный характер формирования во второй половине X в. до н.э. Сахарны (миграция носителей орнаментированного гальштата из Среднего и Нижнего Подоунавья + “местная” группа Холеркань) и культуры Басарабь-Шолдэнешть во второй половине VIII в. до н.э. (миграция носителей Басарабь из Среднего Подоунавья + “местная” поздняя Сахарна) позволяют считать, что с начала I тыс. до н.э. в Среднем Поднестровье начинает проявляться условно “местный” фактор культурогенеза. Последнее было бы невозможно без нарастания в течение первой половины I тыс. до н.э. взаимосвязей гальштатских общностей с миром лесостепных и степных северопричерноморских культур. Именно на выявлении таких контактов сосредоточено в последнее время внимание исследователей.

Так, для еще догальштатской культуры Ноуа акцентируется вклад комаровских древностей в ее сложение, “западные” и “восточные” элементы, а также последующее воздействие на сложение погребального обряда Белозерки (Smirnova, 1993а. С. 57–73; Sava, 1998. С. 267–312; 1999. С. 65–78; Levițki, 2001). Более детально был пересмотрен статус культуры каннелированного гальштата Кишинев-Корлэтэнь.

Происхождение этих древностей от белегешского круга памятников Подоунавья, пересмотр хронологии в пределах XII–X вв. до н.э. и удревнение даты финала до конца X в. до н.э. (Смирнова, 1985. С. 48; 1990а. С. 20–33; Левицкий, 1990а. С. 19, 20; Levițki, 1994а. С. 140–148; Левицкий, Демченко, 1991. С. 147–149), позволяют снять тезис о генетической преемственности между па-

мятниками типа Кишинев и Шолданешты. Но для Запрутской Молдовы (через датировку могильника Коту Морий) допускается бытование корлэтэнских находок и в период до IX в. до н.э. включительно (Iscopoti, 1997. S. 119–123; Iscopoti, Asavoaić, 1998. P. 574, 575). Такую дату верхней хронологической границы для памятников типа Кишинев продолжает отстаивать А.И. Мелюкова (1989. С. 19).

Когда в пограничье лесостепи и степи Днестро-Прутского междуречья была выделена еще одна раннегалыштатская группа Холеркань-Ханск (Левицкий, 1990б. С. 6–8), входящая в горизонт Тэмзоань-Холеркань-Балта, который протянулся от Нижнего Подунавья до Буго-Днестровского междуречья (Levički, 1992. S. 120; Levički, 1994c. S. 219–256) – это означало дальнейший пересмотр представлений А.И. Мелюковой о раннем галыштате лесостепной Молдавии.

Изменилось мнение о безусловно фракийской принадлежности раннегалыштатских культур Юго-Восточной Европы: допускается иллирийская (протоиллирийская) принадлежность носителей культуры Кишинев-Корлэтэн (Смирнова, 1990б. С. 33, 34; Alexianu, 1996. S. 222, 223; Левицкий, 1996. С. 27), а также намечено условно иллирийское влияние на предскифские лесостепные культуры Правобережья Днепра (Smirnova, 1993b. S. 94, 97). Не исключено, что иллирийские черты могут быть выявлены и в обществах среднего галыштата лесостепи Поднестровья (Кашуба, 2000в. С. 143–147), но объясняется ли феномен архаической Скифии иллирийским импульсом (Романчук, 1999. С. 269–271) – покажут дальнейшие изыскания.

Исследования А.И. Мелюковой о фракийцах в Северном Причерноморье, но с позиций новых знаний, продолжает О.Г. Левицкий. Им сделан акцент на культурные взаимосвязи в регионе в период XII–X вв. до н.э., когда галыштатские элементы фиксируются до междуречья Орели и Самары, восточные – до северо-востока Венгрии, а фракийское присутствие в Северном Причерноморье документируется более обширной базой данных. В том числе О.Г. Левицкий рассматривает взаимовлияния (как считалось, отсутствующие) между двумя раннегалыштатскими культурами с канелированной керамикой Гава-Голиграды и Кишинев-Корлэтэн; галыштатские традиции в производстве посуды белозерской культуры; трупосожжения в степной среде Причерноморья, которые, по его мнению, не связаны с фракийским воздействием, а также целый ряд других, не менее актуальных проблем предскифского периода (Levički, 1998. S. 65–83; 2000; 2001).

Обширная и наиболее длительная дискуссия разгорелась вокруг группы Сахарна-Солончены, которая из всех галыштатских общностей лесостепного Поднестровья оказалась наиболее тесно связанной с миром доскифских культур лесостепи

и степи Северного Причерноморья (подробно см.: Кашуба, 1999. С. 369, 370; 2000б. С. 246–255, 352–355). Частные вопросы, связанные с исследованием группы Сахарна (происхождение, формирование погребального обряда, хронология, судьбы), явились органическими частями общих проблем предскифского периода лесостепи Днестро-Поднестровья (направленность культурных влияний, хронология, контакты со степью).

А.И. Мелюкова активно участвовала в этих разноплановых дискуссиях: отстаивая юго-западное (южнофракийское) происхождение Сахарны и галыштатский (сахарнянский) вклад в производство инкрустированной лощеной посуды позднего Чернолесья, в споре с А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской (Тереножкин, 1961. С. 216; Ильинская, 1975. С. 176, 177; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 290–303), а также галыштатский характер погребального обряда и датировку Сахарны концом IX–первой половиной VII в. до н.э., в споре с Г.И. Смирновой (Смирнова, 1977. С. 94–107; 1980. С. 121–143; 1983. С. 68–71; 1984. С. 56, 57; 1985. С. 33–53).

Острота этой полемики поддерживала интерес к проблематике предскифского периода Северного Причерноморья все последние десятилетия XX в. Как известно, к спорам подключились и зарубежные коллеги, по проблеме происхождения Сахарны и ее влияния на украинскую лесостепь соглашаясь с А.И. Мелюковой, но критикуя ее точку зрения в вопросах хронологии, считая датировку группы Сахарна завышенной (Morintz, 1964. S. 116–118; 1987. S. 65, 66; László, 1976. S. 57–75; 1985. S. 13–15; 1989. S. 123, 124; Hänsel, 1976. S. 148–151; Vulpe, 1981. S. 404–406).

Предложенный новый взгляд на древности типа Сахарна, которые выступают восточным вариантом единой раннегалыштатской культуры Козия-Сахарна Днестро-Сиретского междуречья (Кашуба, 2000а. С. 18–21; 2000б. С. 289–291, 350–361), дает возможность несколько сблизить противоположные точки зрения в выше обозначенных дискуссиях.

Тезис о миграционном происхождении Сахарны (из регионов Среднего и Нижнего Дуная) остается, но в Днестро-Реутском междуречье (не позднее рубежа IX–VIII вв. до н.э.) на поздних сахарнянских памятниках Алчедар III и Хлижень II-Ла Шанц фиксируется приток населения позднечернолесской культуры, скорее всего из центральных районов поречья Среднего Днестра.

“Совпадающие” погребальные обряды Сахарны и позднего Чернолесья Среднего Днестра могут являться исконными для каждой из культур. Выяснилось, что субстратной основой погребально-поминальной обрядности Сахарны выступает раннегалыштатская традиция Балкано-Подунавья, позднего Чернолесья – комаровская (белопотоцкий вариант) и белогрудовская культуры Се-

верного Причерноморья (Кашуба, 1999. С. 379–384).

Предложенные для Сахарны хронологические границы в пределах второй половины X–первой половины VIII в. до н.э., а также разграничение ранних и поздних ее памятников снимают и “несовместимость” низких и высоких датировок этой культуры (Кашуба, 2000б. С. 340–352. Рис. XXXIX). При этом, несмотря на достаточно устойчивое проникновение ранних кочевников в лесостепь Поднестровья, датировка лесостепных культур региона (Сахарны, позднего Чернолесья) не должна жестко зависеть от хронологии степных культурных групп. Хотя развитие доскифских лесостепи и степи Причерноморья двигалось в направлении архаической Скифии, их вклад в обеспечение культурно-исторического фона, на котором происходило становление последней, безусловно, был различен.

Широкие (растянутые) хронологические рамки Сахарны явно “выпадают” из имеющейся тенденции узких датировок предскифских древностей (Вальчак и др., 1996. С. 23–44). Как известно, спор по вопросам хронологии черногоровских и новочеркасских древностей далеко не окончен (Дубовская, 1997. С. 181–218; Эрлих, 1994. С. 62–72; Лесков, Эрлих, 1999. С. 67–69; Вальчак, 1997. С. 88–119; 2000. С. 138; Дударев, 1999. С. 143–145). В сторону омоложения уже изменена хронологическая позиция некоторых опорных комплексов, например, клада Прюдь (Дударев, 1998. С. 39, 40), но привязка всего многообразия явлений и событий предскифского времени только к одной дате (даже и 714 г. до н.э.) вызывает закономерные вопросы (Яровой, Бруяко, 2000. С. 161–168). Длинные датировки, напротив, очерчивают то временное пространство, в котором можно искать узкие даты, тем самым дают возможность построить тот или иной культурный ряд. Широкие даты также являются следствием состояния хроноиндикаторов предскифского периода, когда минимальный “хронологический шаг” составляет около полстолетия.

Что же касается раннекочевнических памятников Молдавии, то в лесостепных районах Поднестровья широко известны материалы главным образом черногоровского круга – ряд захоронений, клады и случайные находки (Смирнова, 1994. С. 34–36; Smirnova, 1998. S. 451–454; Смирнова, Войнаровский, 1994. С. 137–141; Крушельницка, Бандрівський, 1998. С. 23–27; Яровой и др., 2001). Это позволило констатировать преимущественные контакты ранних кочевников-черногоровцев с носителями культуры Козия-Сахарна (вариант Сахарна) и позднего Чернолесья. Любопытен значительный удельный вес инкрустированной лощеной посуды в раннекочевнических захоронениях, особенно Северо-Западного Причерноморья. Такая парадная посуда, предшествующая так называемым жаботинским кубкам, могла попадать в степной регион как от Сахарны,

так и других раннегалльских групп Балкано-Подунавья (Мелюкова, 1979. С. 62–72; Гаврилюк, 1979. С. 25–40; 1999. С. 89, 93, 94, 96; Бруяко, 1989. С. 21, 22; Vančugov, 1998. P. 98, 99).

Добытые в последние два десятилетия новые археологические источники (в первую очередь смешанные сахарнянско-шолдэнештские комплексы) позволили считать Сахарну одной из основ формирования в регионе культуры Басарабь-Шолдэнешть и предполагать мирный характер этого процесса (Кашуба, 2000б. С. 352; 2000в. С. 140–147).

Полученные выводы могли стать весомыми дополнительными аргументами для сторонников эволюционного развития культур I тыс. до н.э. в Днестро-Прутском междуречье. Непрерывный “фракийский ствол” теперь можно было начинать с Сахарны (вторая половина X–первая половина VIII в. до н.э.), постепенно нанизывая Басарабь-Шолдэнешть (середина VIII–конец VII в. до н.э.), позднегалльские древности и раннегетскую культуру (VII–V вв. до н.э.), культуру исторических гетов (IV–III вв. до н.э.), венчая все уже даками. Такая картина как будто выглядит более цельной, особенно по сравнению с “рваным краем” хронологических разрывов все того же I тыс. до н.э., которые провозглашают сторонники дискретно-миграционной концепции формирования культур этого региона.

Но как признание плавно эволюционного развития вовсе не означает полное сохранение всех старых традиций, так и признание роли миграций не влечет за собой вывод о полном разрыве в культурной преемственности. Это хорошо иллюстрируется ситуацией с древностями Басарабь-Шолдэнешть, которые явились не только результатом среднегалльских миграционных инноваций из Среднего Подунавья (комплекс Басарабь), но и следствием сохранения здесь элементов прежней сахарнянской среды (Кашуба, 2000а. С. 18–20).

Далее можно упомянуть широко развернутую дискуссию относительно постшолдэнештских (позднегалльских) древностей в лесостепном Пруто-Поднестровье, что осложняется “наслоениями” различных материалов (“фракийско-раннескифский” контекст), а также особой редкостью хроноиндикаторов VII в. до н.э. (например: Кашуба и др., 1999. С. 120–127; Kaşuba et al., 2000). Выход из создавшейся ситуации может быть найден в том числе путем пересмотра датировок известных комплексов.

Так, серебряная восьмилепестковая бляшка-розетка, обнаруженная на позднегалльском поселении Алчедар-Ла Кордон (Кашуба и др., 1999. С. 126. Рис. 3), аналогична двум бронзовым бляшкам-розеткам из лесостепного днепровского Правобережья. Последние в свою очередь трактуются как древневосточный импорт, появление которого в регионе связывается с передне-

азиатскими походами ранних кочевников еще последней четверти VIII в. до н.э. (Махортых, Колесник, 1998. С. 139–143; 1999. С. 163–167).

Возможно также удревнение (до VI в. до н.э.) известного гетского клада украшений из Матеуц (Нудельман, Рикман, 1956. С. 129–131). Серьги из него имеют близкие аналогии среди экземпляров VI–V вв. до н.э. из Средней Европы, на что обратила внимание В.Г. Петренко (1978. С. 34, 35). Орнаментация же браслета и гривны хорошо сопоставима с геометрическим узором на специфических булавках Западно-Подольской группы раннескифской культуры, верхний хронологический рубеж которой едва ли заходит в V в. до н.э. (Смирнова, 2001). Но это уже проблематика скифского периода.

В итоге можно отметить, что культурно-хронологическая схема гальштатских древностей лесостепной Молдавии, предложенная А.И. Мелюковой еще несколько десятилетий назад, хотя и претерпела существенные изменения, оказалась все же свободно развивающейся структурой. Сохранившие свои наименования этапы (Кишинев, Сахарна, Шолданешты) наполнены уже новым содержанием, но ряд важных акцентов (ранне- и среднегальштатские общества Юго-Восточной Европы), безусловно, сохраняется.

Хотя объективный ход развития науки подразумевает расширение и углубление знаний, в летописи предскифского периода не только Молдавии, но и всего Северо-Западного Причерноморья, остаются яркие страницы, написанные Анной Ивановной Мелюковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брушко И.В.* Геометрический орнамент на керамике из киммерийских погребений степной зоны Северо-Западного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Запорожье, 1989.
- Вальчак С.Б.* Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпестельчатыми псаллиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М., 1997.
- Вальчак С.Б.* Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А.* Ранние памятники черноголовского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир; М., 1996.
- Ванчугов В.П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.
- Ванчугов В.П.* Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей. Киев, 1993.
- Гаврилюк Н.А.* Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.
- Гаврилюк Н.А.* Местные и заимствованные компоненты киммерийской культуры (По материалам керамики) // ВДИ. 1999. № 1.
- Гольцева Н.В., Кашуба М.Т.* Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь, 1995.
- Гросул Я.С.* Вступительное слово // КСИИМК. 1954. Вып. 56.
- Дергачев В.А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986.
- Дергачев В.А.* О понятии “контактная зона” // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев, 1992.
- Дубовская О.Р.* Об этнокультурной атрибуции “новочеркасских” погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. 1997. № 6.
- Дударев В.Л.* Еще раз о дате клада Прюдь и ее значении для хронологии предскифского времени Северного Кавказа и Северного Причерноморья // XX Юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1998.
- Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.
- Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев, 1975.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.
- Кашуба М.Т.* Памятники типа Сахарна–Солончены (историографический обзор) // Археология, этнография и искусствоведение Молдовы: итоги и перспективы. Кишинев, 1990.
- Кашуба М.Т.* “Другая” чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой // Stratum plus. 1999. № 3.
- Кашуба М.Т.* Культурно-историческое развитие лесостепного Днестро-Сиретского междуречья в начале I тыс. до н.э. (культура Козия–Сахарна). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000а.
- Кашуба М.Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия–Сахарна) // Stratum plus. 2000б. № 3.
- Кашуба М.Т.* Заметки о формировании среднегальштатской культуры Басарабь–Шолданешты в Днестро-Прутском междуречье // Stratum plus. 2000в. № 3.
- Кашуба М.Т., Хахеу В.П., Левицкий О.Г.* Та самая Гетика или... четвертая? // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Запорожье, 1999.
- Крушельницкая Л.Л., Бандрієвський М.* Ранньокішівницькі елементи в культурі Середнього Подністров'я IX–VII ст. до н.е. // “Музейні читання”. Матеріали Міжнародної конференції. Київ, 1998.
- Лапушнян В.Л.* Ранние фракийцы X – начала IV вв. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979.
- Левицкий О.Г.* Культура Днестровско-Сиретского междуречья на рубеже II–I тыс. до н.э. (памятники каннелированного гальштата). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990а.
- Левицкий О.Г.* К вопросу о раннегальштатском горизонте с прочерченной керамикой в Днестровско-

- Прутском междуречье // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Ч. II. Херсон, 1990б.
- Левцкий О.Г. Карпато-Поднестровье при переходе от эпохи бронзы к железному веку // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. VIII. Тез. докл. Ростов-на-Дону, 1996.
- Левцкий О.Г., Демченко Т.И. К вопросу о финальных рубежах раннегалльстатской культуры Кишинев-Корлатень Днестровско-Сиретского междуречья // Древнейшие общины земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Тез. докл. Киев, 1991.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999.
- Махортых С.В., Колесник О.О. Древневосточные бляшки-розетки из Черкасской области // "Музейні читання". Матеріали Міжнародної конференції. Київ, 1998.
- Махортых С.В., Колесник О.О. Об одном древневосточном импорте из Черкасской области // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999.
- Мельниковская О.Н. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы // КСИИМК. 1954. Вып. 56.
- Мелюкова А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. 1953. Вып. 54.
- Мелюкова А.И. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии // КСИИМК. 1954. Вып. 56.
- Мелюкова А.И. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952–1953 гг. // Изв. МФ АН СССР. 1955. № 5 (25).
- Мелюкова А.И. Памятники VIII в. до н.э. на территории лесостепной Молдавии // Изв. МФ АН СССР. 1956. № 4.
- Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 1958. № 64.
- Мелюкова А.И. Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960.
- Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // МИА. 1961а. № 96.
- Мелюкова А.И. Работы в Поднестровье в 1958 году // КСИИМК. 1961б. Вып. 84.
- Мелюкова А.И. Курганы эпохи бронзы у с. Олонешты // КСИИМК. 1962. Вып. 80.
- Мелюкова А.И. Скифские элементы в гетской культуре // КСИИМК. 1965. Вып. 105.
- Мелюкова А.И. К вопросу о границе между скифами и гетами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
- Мелюкова А.И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии // СА. 1972. № 1.
- Мелюкова А.И. Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских племен с фракийцами в советской науке // Studia Thracica. Кн. 1. София, 1975.
- Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.
- Никитица И.Т. Северные фракийцы в VI–I вв. до н.э. Кишинев, 1987.
- Нудельман А.А., Рикман Э.А. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии // Изв. МФ АН СССР. 1956. № 4.
- Пассек Т.С. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии // КСИИМК. 1954. Вып. 56.
- Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. 1978. Д4-5.
- Розенфельдт Р.Л. Алчедарские курганы // Изв. МФ АН СССР. 1955. № 5 (25).
- Романчук А.А. "Три кита" раннескифской культуры на волнах иллирийской экспансии // Stratum plus. 1999. № 3.
- Смирнов А.П. Заключительное слово // КСИИМК. 1954. Вып. 56.
- Смирнов Г.Д. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. // Уч. зап. ИИЯиЛ МФ АН СССР. 1949а. Т. II.
- Смирнов Г.Д. Скифское городище и селище "Большая Сахарна" // КСИИМК. 1949б. Вып. 26.
- Смирнов Г.Д. Сахарнянский скифский могильник II (Гура Гульбока) // Изв. МФ АН СССР. 1955. № 5 (25).
- Смирнова Г.И. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам раскопок курганов у с. Мервинцы) // СА. 1977. № 4.
- Смирнова Г.И. Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье в предскифское время (контакты и хронологическое соотношение) // Thracia. 1980. V.
- Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолеско-жаботинских памятников) // АСГЭ. 1983. № 23.
- Смирнова Г.И. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре (по материалам поселения Днестровка-Лука) // АСГЭ. 1984. № 25.
- Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. № 4.
- Смирнова Г.И. Памятники типа Кишинев-Корлатень в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в югославском Подунавье // АСГЭ. 1990а. Вып. 30.
- Смирнова Г.И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тыс. до н.э. Дис. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Киев, 1990б.
- Смирнова Г.И. О месте киммерийских древностей в культурах предскифского времени в Среднем Поднестровье // Masivul Traco-Simerian. Probleme actuale. RR. Chişinău, 1994.
- Смирнова Г.И. Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в лесостепной Скифии в конце XX века // Сборник к 100-летию Т. Сулимирского. Краков, 2001 (в печати).
- Смирнова Г.И., Войнаровский В.М. Могильник скифского типа у с. Середнього Подністров'я // Археологія. 1994. № 1.
- Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
- Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.

- Яровой Е.В., Бруяко И.В.* Комплекс предскифского времени у с. Пуркары в Нижнем Поднестровье (к вопросу о киммерийских колесницах в Восточной Европе) // *Stratum plus*. 2000. № 3.
- Яровой Е.В., Кашиба М.Т., Махорты С.В.* Киммерийский курган близ Слободзеи. Тирасполь, 2001 (в печати).
- Alexianu M.* La culture Corlăteni-Chișinău – thrace ou illyrienne? // *The Thracian World at the Crossroads of Civilizations. The 7th International Congress of Thracology*. Bucharest, 1996.
- Dergașev V.* Arheologia Republicii Moldova. Retrospectiva istorică // *Thraco-Dacica*. T. XV. № 1–2. București, 1994.
- Hänsel B.* Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. T. 1, 2. Bonn, 1976.
- Iconomu C.* Les recherches archéologiques sur le premier âge du fer dans le département de Iași. Résultats et problèmes // *Prima epocă a fierului la Gurile Dunării și în zonele circumponctice*. Tulcea, 1997.
- Iconomu C., Asavoai C.* Contributions regarding the knowledge of the Burial Rituals of the Early Thracians in the Light of the Ștefănești – Botoșani Researches // *The Thracian World at the Crossroads of Civilization. II. Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology*. Bucharest, 1998.
- Kașuba M., Haheu V., Leviški O.* Vestigii thraco-getice de la Nistru de Mijloc // *B. Thr.* 2000. XXXI.
- László A.* Über der Ursprung und die Entwicklung der früh-hallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau // *Thraco-Dacica*. T. I. București, 1976.
- László A.* Hallstattul timpuriu și mijlociu pe teritoriul Moldovei. Rezumatul tezei de doctorat. Iași, 1985.
- László A.* Grupul Tâmaoani. Asupra "orizontului" Hallstattian timpuriu cu ceramică incizată din sudul Moldovei // *MA*. 1986. XII–XIV (1980–1982).
- László A.* Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpathes. La Moldavie aux XII–VII siècles av. n.è. // *La civilisation de Hallstatt. Etudes et Recherches Archéologiques de l'University de Liège*. 1989. № 36.
- Leviški O.* La situation culturelle et historique dans l'espace Carpato-Dnistréen à l'époque du Hallstatt // *Symposia Thracologica*. 9. București, 1992.
- Leviški O.* Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați // *B. Thr.* 1994a. VII.
- Leviški O.* Culturile din epoca Hallstattului timpuriu și mijlociu // *Thraco-Dacica*. T. XV. № 1–2. București, 1994b.
- Leviški O.* Grupul Holercani–Hansca. Aspectul pruto-nistrian al complexului Hallstattian timpuriu, cu ceramică incizată // *Relations Thracō–Illyro–Helléniques*. București, 1994c.
- Leviški O.* Particularități, points communs et contacts réciproques des cultures du complexe Hallstattien ancien à la céramique canelée, de l'est des Carpates // *The Thracian World at the Crossroads of Civilization. II. Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology*. Bucharest, 1998.
- Leviški O.* Tradiții hallstattiene în producția ceramicii cultura Belozerka // *Thraco-Dacica*. T. XXI. № 1–2. București, 2000.
- Leviški O.* Interferențe culturale la periferia estică a Lumii Tracice în perioade Hallstattului timpuriu. Chișinău, 2001 (in print).
- Morintz S.* Quelques problèmes concernant la période ancienne du Hallstatt au Bas-Danube à la lumière de fouilles de Babadag // *Dacia*. 1964. VIII.
- Morintz S.* Noi date și probleme privind perioadele hallstattiană timpurie și mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // *Thraco-Dacica*. 1987. T. VIII. № 1–2.
- Sava E.* Die Rolle der "östlichen" und "westlichen" Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinoșka (Nach den Materialien des Prut-Dnestr-Zwischenstromgebiets) // *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische steppe. Prähistorische archäologie in Südosteuropa*. Bd. 12. München; Rahden, 1998.
- Sava E.* Istoricul cercetărilor și contribuții noi la periodizarea și cronologia absolută a culturii Noua // *Studia in honorem Ion Niculița*. Chișinău, 1999.
- Smirnova G.* Die Siedlung Mahala II a und II b – ein Denkmal der Noua I und II Kultur // *Culture et civilisation au Bas Danube*. X. Calărași, 1993a.
- Smirnova G.* Zur Frage der thrakischen und illyrischen Komponenten in der Frühhallstattkultur des Vorkarpatenraums // *Thraco-Dacica*. T. XIV. № 1–2. București, 1993b.
- Smirnova G.* Die Ostkarpatenregion zur Vorskythen- und Skythenzeit und die osteuropäischen Steppen: Kontakte und Migrationen // *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische steppe. Prähistorische archäologie in Südosteuropa*. Bd. 12. München; Rahden, 1998.
- Vančugov V.P.* Das Ende der Bronzezeit im nördlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerka-Kultur // *Eurasia antiqua*. 1996. Bd. 2.
- Vančugov V.P.* The Cimmerian Antiquities in the North-Western Black Sea Region // *The Thracian World at the Crossroads of Civilization. II. "Proceeding of the Seventh International Congress of Thracology"*. Bucharest, 1998.
- Vulpe A. A. I. Meljukova.* Skifija i frakiiskii mir. M., 1979. 255 s., 48 Ab., und Karten in text // *Dacia*. 1981. XXV.

Pre-Scythian antiquities of Moldavia in the works by A.I. Melyukova

M. T. Kashuba

Summary

In the article the contribution by A.I. Melyukova to the studies of pre-Scythian antiquities of North-Western Pontic area is considered against the background of present state of the problem. The author underlines that cultural and chronological sequence of the Hallstatt monuments in forest-steppe Moldavia suggested by A.I. Melyukova, though underwent some changes in the past years, has proved to be a freely developing structure. In the history of pre-Scythian epoch not only of Moldavia, but of the whole North-Western Pontic region we find vivid pages written by A.I. Melyukova.